

Глава 36. Эпилог: Тени прошлого

Си Нянь давно не видел снов. Говорят, в сновидениях к человеку возвращается всё то, о чём он когда-то больше всего жалел, но сам он не ведал за собой никаких сожалений. Именно поэтому, очутившись в знакомых роскошных апартаментах, Си Нянь не сразу понял, что происходит.

Он огляделся, изучая обстановку, и с замиранием сердца узнал место, где оборвалась его прошлая жизнь. Не успел он оправиться от изумления, как взгляд упал на мужчину, неподвижно сидевшего перед компьютером. Красивое, но искажённое мрачной злобой лицо принадлежало ему самому.

Это был он — Император кино — и в то же время кто-то совершенно чужой.

Си Нянь и не подозревал, что когда-то мог выглядеть настолько безжизненным — точно живой мертвец, застывший в ожидании неминуемого конца.

Сейчас он пребывал в состоянии призрачной тени: не мог ничего коснуться, лишь наблюдал со стороны. Судя по декорациям, это были последние минуты перед его гибелью. Пройдёт ещё немного времени, в комнату ворвётся Лу Синчжэ, они разругаются в пух и прах, и тогда... тогда он шагнёт из окна.

Вспомнив об этом, Си Нянь невольно укорил себя за малодушие. Стоило ли сводить счёты с жизнью из-за подобных пустяков? Гордыня — опасный спутник, и ни к чему хорошему она не приводит.

Чувство от пребывания в месте собственной смерти было неоднозначным. Си Нянь стоял рядом, наблюдая, как другой «он» лихорадочно просматривает в сети компромат на самого себя. Пальцы на мышке двигались всё быстрее — было очевидно, что человек на грани срыва.

Си Нянь, точно отстранённый зритель, бесстрастно оценивал происходящее.

«Один неверный шаг влечёт за собой лавину ошибок»

В прошлой жизни для него было обычным делом устранять конкурентов: если был повод для сплетен — он его раздувал, если не было — выдумывал. И теперь, когда все его грязные дела разом всплыли на поверхность, фанаты соперников готовы были растерзать его на куски. Он в одночасье стал врагом номер один для всего интернета.

Вскоре дверь распахнулась. Прихрамывая, в комнату вошёл Лу Синчжэ. Сцена повторялась до мельчайших деталей, и диалог звучал в точности так же, как в воспоминаниях.

— Твоих рук дело? — спросил двойник.

— И зачем? Только потому, что я вышвырнул тебя, когда ты стал бесполезен? Решил отомстить, затаив обиду?

Лу Синчжэ издал короткий смешок. Он даже не мог выпрямиться — так и застыл, согнувшись, не в силах пошевелиться. В прошлой жизни Си Нянь видел в этой позе лишь оскорбительную дерзость, но сейчас он медленно наклонился, заглядывая в лицо юноши. Глаза его собеседника налились кровью, а в веках дрожали непролитые слёзы.

«Почему он плачет?..»

Си Нянь не понимал. Он невольно протянул руку, желая смахнуть эту влагу, но его пальцы прошли сквозь тело Лу Синчжэ, не встретив опоры.

Слеза так и не упала.

Зато Си Нянь увидел, как «он сам», точно ужаленный в самое болезненное место, вцепился в воротник папарацци и с силой прижал его к стене:

— Это правда был ты?!

В прошлой жизни он был в этом уверен. Сейчас — сомневался.

Но Лу Синчжэ и не думал оправдываться:

— Да, я.

В его взгляде, как обычно, читалась насмешливая гордость. Казалось, он твёрдо вознамерился утянуть за собой в ад человека перед ним. Даже когда его лицо побледнело от нехватки воздуха, в голосе не появилось и тени раскаяния. Он цедил каждое слово, улыбаясь вопреки боли:

— Да, это я.

— Ты ведь больше всего на свете хотел стать великим актёром? Дорожил карьерой превыше всего? Мечтал избавиться от меня, как от дурного сна? Так вот, не бывать этому...

Они безошибочно находили уязвимые места друг друга, нанося смертельные удары, и в итоге оба истекали кровью от душевных ран.

На то, что последовало дальше, у Си Няня не было сил смотреть.

Лу Синчжэ повалили на диван — бледного, беззащитного, точно тряпичную куклу. Прошлый «Си Нянь» с ледяным безразличием с силой вдавил каблук в его искалеченную левую ногу. Юноша задрожал всем телом, сжавшись в комок от пронзительной боли, а над ним гремели полные презрения слова:

— Раньше ты не был таким недотрогой. К чему этот маскарад теперь?

Си Нянь впервые осознал, насколько отвратительными могут быть сны. Он жаждал поскорее очнуться, но, даже зажмурившись и отсчитав сотни секунд, он всё ещё был там. Лу Синчжэ, прихрамывая, покинул комнату, но кошмар не закончился.

У Си Няня не было ни малейшего желания наблюдать за собственной смертью, поэтому он последовал за ушедшим.

Сновидение было пугающе реальным: он кожей чувствовал промозглый осенний ветер, гулявший по коридорам.

Выйдя из номера, Лу Синчжэ не ушёл сразу. Он прислонился к стене и медленно сполз на пол, прижимая ладонь к больной ноге. Долгое время он сидел неподвижно, затем нащупал в кармане обезболивающее и, мертвенно бледный, проглотил две таблетки. Лишь после этого он заставил себя подняться и, ковыляя, вошёл в лифт.

Он никогда не показывал свою слабость Си Няню. Даже лекарства пил украдкой, чтобы никто не видел.

Си Нянь несколько раз порывался поддержать его под руку, но пальцы лишь бесполезно проходили сквозь призрачную плоть. Он бессильно поджал губы, продолжая следовать тенью, и в очередной раз проклял этот сон.

Внизу Лу Синчжэ поджидал человек с бегающими глазками — Хун Бяо. Увидев напарника, тот недовольно сплюнул, опираясь на дверцу машины:

— Говорил же я тебе — не ищи на свою задницу приключений. Ну что, выставили за дверь?

Лу Синчжэ промолчал. Казалось, один лишь путь от дверей отеля лишил его последних сил. Припадая на ногу, он сделал несколько шагов, ухватился за колонну и тяжело опустился на каменные ступени у дороги. Склонив голову, он безучастно прикурил сигарету. Пальцы при этом заметно дрожали.

Хун Бяо присел рядом на корточки:

— Я разузнал то, о чём ты просил. Но послушай меня, Си Нянь сам во всём виноват, не лезь в это дело.

Собеседник наконец отреагировал: он медленно, словно через силу, повернул к нему голову. Лицо его было лишено красок, а в тёмных глазах застыла беспросветная мгла.

Хун Бяо стало не по себе под этим взглядом, он невольно потёр шею:

— Да не смотри ты на меня так, я тут ни при чём. Си Нянь вёл себя слишком нагло. Он скольких актёров из Чуансин Энтертейнмент подставил, карьеры им разрушил? Думаешь, руководство компании стало бы на это смотреть сквозь пальцы? У него самого рыльце в пушку. Стоило приставить к нему хвост на пару дней — и весь компромат в кармане.

Затем он добавил с нескрываемой досадой:

— И ты тоже хорош. Помогал ему топить всех, на кого он пальцем укажет. Теперь, когда всё всплыло, тебя тоже затаскают. Думаешь, мало найдётся желающих с тобой поквитаться?

Си Нянь, стоявший рядом, невольно закрыл глаза. В какой-то момент его лицо стало пугающе бледным.

Лу Синчжэ никак не отреагировал. Он лишь сухо поблагодарил товарища и, не докурив сигарету, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Эй, ты куда? — окликнул его Хун Бяо. — Садись, подвезу.

Но тот не обернулся. Юноша побрёл прочь, прихрамывая, — одинокий, исхудавший силуэт, похожий на неприкаянную душу. Си Нянь следовал за ним шаг в шаг.

Не успели они отойти, как за спиной раздался тяжёлый, глухой удар о землю. Звук, преисполненный отчаяния. Следом воздух прорезали истошные крики прохожих — случилось нечто непоправимое.

Лу Синчжэ замер.

Тело Си Няня одеревенело, дыхание перехватило, но сердце вскоре снова забилось в ровном ритме. Он подошёл к юноше сзади, закрыл ему ладонями глаза и хрипло прошептал:

— Не оборачивайся.

Си Нянь повторил:

— Не смотри назад...

Его руки дрожали, в горле застрял комок, мешавший говорить. Издалека доносился вой полицейских сирен, перемежающийся с сигналом скорой помощи. Вокруг воцарился хаос.

Словно пытаясь заглушить эти звуки, Си Нянь заговорил с Лу Синчжэ:

— Те слухи про Цяо Чжи — это ложь. Я обманул тебя. Ты же всегда был таким сообразительным, как ты мог в это поверить?..

— Я не хотел причинять тебе боль. Я просто злился. Я думал, тебе наплевать на меня...

— Лу Синчжэ, тебе очень больно?.. Нога сильно болит?..

— Лу Синчжэ...

Голос Си Няня сорвался на безжизненный, почти механический тон:

— Не оборачивайся...

«Не смотри назад»

«На подлеца, который даже после смерти не стоит твоего взгляда»

Но его слова канули в пустоту — никто не мог их услышать. Лу Синчжэ застыл и, словно что-то почувствовав, начал разворачиваться. Си Нянь в панике попытался удержать его, зажмурив глаза, но его пальцы снова прошли сквозь призрачное тело. Сознание пронзила резкая вспышка, и он рывком очнулся.

***

Си Нянь подскочил на кровати, точно от удара током. Осознав, что это был лишь сон, он первым делом потянулся к Лу Синчжэ, но его место оказалось пустым. Он уже хотел было вскочить, но заметил фигуру в изножье кровати.

Тот сидел к нему спиной и почему-то долго не шевелился. Он смотрел в пол, словно в забытии.

Сердце Си Няня наконец вернулось на место. Он коснулся плеча Лу Синчжэ, собираясь что-то сказать, но тот внезапно с невероятной силой перехватил его за запястье. Хватка была такой яростной, что кости едва не хрустнули.

Зрачки актёра сузились. Он осторожно позвал:

— Лу Синчжэ?

Юноша вздрогнул и, словно приходя в себя, медленно разжал пальцы.

— Что с тобой? — спросил Си Нянь.

Лу Синчжэ бросил на него быстрый взгляд, затем отвернулся и раздражённо взъерошил волосы:

— Ничего. Просто дурной сон приснился.

Си Нянь хотел было сказать, что и ему снилось то же самое, но промолчал. Он обнял партнёра со спины, крепко прижимая к себе, словно боясь, что тот исчезнет. Граница между реальностью и кошмаром всё ещё казалась зыбкой, и он не удержался от тихого признания:

— Прости меня...

«Прости за то, что не верил тебе. За то, что разрушил твою жизнь»

Эти слова он должен был сказать ещё в прошлой жизни.

Лу Синчжэ напрягся в его руках и долго не мог расслабиться. Си Нянь, не заметив его странной реакции, повалил его на постель и, прижавшись лбом к его лбу, принялся покрывать его лицо частыми поцелуями. Дыхание их смешалось.

— Лу Синчжэ, я люблю тебя.

Этому признанию тоже давно пора было прозвучать. Раньше Си Няню мешал характер, но теперь он говорил это, потому что боялся: однажды случая может не представиться.

Он снова коснулся губ возлюбленного, понимая, что произнести это вовсе не так сложно, как он думал:

— Я люблю тебя.

Той самой любовью, что не знает границ.

Стоило Си Няню закончить фразу, как Лу Синчжэ резко вцепился в его воротник. Мир перевернулся — в следующее мгновение мужчина сам оказался прижат к кровати. Лу Синчжэ навис над ним, прищурившись, и в его взгляде читалось недоверие вперемешку с тревогой:

— Что ты сказал?

Почему-то по тону это больше походило на вызов к драке. Сцена явно пошла не по тому сценарию, который Си Нянь рисовал в воображении.

Он без труда высвободил руки и снова перехватил инициативу, нежно целуя его припухшие губы. Голос его звучал глухо:

— Я сказал, что люблю тебя.

Он начал расстегивать пуговицы на рубашке Лу Синчжэ; одежда соскользнула на пол, напоминая увядший цветок.

Юноша неосознанно сжал плечи Си Няня, затем медленно расслабился. Бледное лицо залил густой румянец, брови сошлись на переносице — то ли от боли, то ли от наслаждения. Подавив готовый сорваться стон, он вдруг резко обхватил затылок партнёра, запустив пальцы в его густые волосы, и хрипло выдохнул:

— Скажи ещё раз.

— Повтори...

Си Нянь ничего не ответил — он хотел раствориться в нём без остатка.

Уголки глаз Лу Синчжэ стали пунцовыми. Их лихорадочный танец переместился с кровати на диван, и вскоре голос юноши окончательно сорвался, рассыпаясь на бессвязные звуки. Си Нянь поцеловал его старый шрам на левой ноге, затем снова нашёл его губы и крепко прижал к себе. Когда буря утихла, он прошептал:

— Я могу повторить это хоть сто раз — смысл не изменится.

Голос Лу Синчжэ охрип, он не мог вымолвить ни слова. Си Нянь убрал влажную прядь с его лба. Вспомнив о том, как в кошмаре его руки проходили сквозь пустоту, он через тепло чужой кожи наконец осознал: этот человек — здесь, он настоящий.

За окном вставало ласковое солнце, прогоняя ночной холод.

Си Нянь ласково поглаживал Лу Синчжэ по спине. Помолчав немного, он вдруг открыл глаза и спросил:

— Что тебе приснилось?

Грудь Лу Синчжэ всё ещё тяжело вздымалась. Он зажмурился и, словно отмахиваясь, недовольно проворчал:

— Приснилось, что ты завёл любовника.

— Ну, точно сон, — усмехнулся Си Нянь.

Он поднялся, набросил одежду и, подхватив Лу Синчжэ на руки, понёс его в ванную. У самого порога он помедлил и добавил совершенно серьёзно:

— У меня есть только ты. Никого больше нет.

Лу Синчжэ пристально посмотрел на него. В его тёмных глазах было трудно разобрать эмоции. Спустя мгновение он спрятал лицо на груди Си Няня и, обвив его шею руками, тихо прошептал:

— Я знаю.

— Правда знаешь? — переспросил Си Нянь.

Лу Синчжэ чуть приподнял голову, заглядывая ему в глаза, и коснулся губами его шеи:

— Правда.

<http://bllate.org/book/15807/1435282>